

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Иликаев А.С., Шарипов Р.Г. — Параллели в солярных мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 6. – С. 112 - 134. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.6.69212 EDN: RTGGPU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69212

Параллели в солярных мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров

Иликаев Александр Сергеевич

ORCID: 0009-0003-6773-9053

кандидат политических наук

доцент, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский Университет Науки и Технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

✉ jumo@bk.ru

Шарипов Ренарт Глюсович

ORCID: 0000-0001-9597-5617

кандидат философских наук

Научный сотрудник; Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71

✉ externet@yandex.ru

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.6.69212

EDN:

RTGGPU

Дата направления статьи в редакцию:

03-12-2023

Дата публикации:

18-12-2023

Аннотация: Предметом данного исследования выступают параллели в солярных мифах

тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров. Данная статья является продолжением ранее опубликованной статьи, посвященной обзору и анализу лунарных мотивов в верованиях указанных этносов. Как и в предыдущей работе авторы предприняли попытку на основании сравнительного анализа мифологических образов и сюжетов, а конкретно – солярных мифов, привести дополнительные аргументы в пользу подтверждения гипотезы В.В. Напольских о существовании особой североазиатской общности мифологий народов Северной Евразии. Дополнительно авторы ставили целью выявить отличие солярных мифов от лунарных, показать на примере первых постепенную и последовательную эволюцию архаических представлений первобытного матриархального общества в представления патриархального земледельческо-скотоводческого общества. В процессе написания статьи были использованы сравнительно-исторический (сравнительно-мифологический) метод, анализ существующей этнографической литературы по вопросу, некоторые полевые материалы авторов. На базе проведенного обзорного анализа, опираясь на исследования В.В. Напольских, В.Г. Котова, У. Харвы и других ученых, авторы пришли к следующим, в том числе оригинальным, выводам. Во-первых, у тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров солярные мифы сохраняют ряд общих архаических черт: незначительная роль солнца по сравнению с ролью луны в некоторых верованиях и обрядах, представление о древних, нескольких солнцах. Во-вторых, как уже на это указывалось в предыдущей статье, характерным урало-алтайским элементом выступает мифологема о возникновении солнца из воды. К разряду древних черт в солярных мифах указанных народов также следует отнести образы солнца в виде человека, животного, ока, чудовища, преимущественно женского персонажа. В-третьих, у тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров уже заметно прослеживается возвышение роли солнца, культ «царя-солнца», что связано со сменой матриархата патриархатом, переходом к земледелию и скотоводству.

Ключевые слова:

солярные мифы, тюрки, древние тюрки, монгольские народы, восточные финно-угры, башкиры, марийцы, Северная Евразия, богиня Солнца, солнечный конь

Солярные мифы вместе с лунарными составляют часть астральной мифологии и зародились еще в глубокой древности [\[26, с. 78\]](#). Солнце является центральным персонажем солярных мифов. При этом в XIX веке к солярным мифам могли относить любое предание, в котором у героев обнаруживались солнечные черты. В настоящее время этот подход является слишком общим, хотя, на наш взгляд, сохраняет свое значение в тех случаях, когда приходится реконструировать те или иные изначальные мифологические представления. Также ученые отказались от теории В. Шмидта о большей роли солнца в некоторых архаических африканских и австралийских мифологиях. Получила та точка зрения, согласно которой предполагается, напротив, постепенное увеличение роли солнца в мифологии по сравнению с ее лунарным этапом. Например, в мифах австралийцев солнцу отводится куда меньше места, чем радуге-змее. Тувинцы верили, что Солнце, Луна и Радуга могут одновременно появляться в небе. При этом наибольшее значение имела Радуга, поскольку она (своеобразный аркан неба) указывала на место, где должна быть поставлена юрта для молодоженов [\[19, с. 27\]](#). Также в архаичных мифологиях солнце может просто представляться живущим на небе человеком со светящимися подмышками, одним из племенных тотемов [\[26, с. 461\]](#). По всей

видимости, схожее происхождение имеет образ героини марийской сказки «Сереброзубая Пампалче». Хотя Пампалче сравнивается с луной, она имеет живущую на вершине горы сестру (очевидно, солнце) [\[23, с. 46-47\]](#). Отголосок подобных древних верований, когда солнце являлось куда менее важным объектом по сравнению с другими астральными объектами, сохранился даже в Библии [\[26, с. 461\]](#).

Не менее древними по происхождению должно счесть те мифы, в которых Солнце и Луна представляются близнецами культурными героями. Считается, что в архаических солярных мифах (например, у народов Сибири) солнце имеет облик женщины (как, иногда, и луна) [\[26, с. 461\]](#). Таким образом, можно говорить о сестрах (солнце и луна). Хотя миф о лишнем солнце к западу от Уральских гор фиксируется только у башкир, чувашей, удмуртов, болгар, сербов и литовцев (у балто-славян в виде мифов о «выпитых солнцах» и о «браке солнца») возможно, что представление о том, что солнце и луна были сестрами и, тем более, что у солнца были сестры – тоже имеет какое-то отношение к данному сюжету.

Также, по мнению В.Н. Топорова, очень архаичным является представление о том, что солнца когда-то не было. Отсюда происходят мифы о слепом, невидимом солнце, солнце-глазе. Например, согласно тувинским шаманским преданиям, у Солнца есть глаз, который бывает то веселым, то хмурым. Причем, когда Черное Небо было ласковым и тихим, у каждого живого существа имелся такой глаз как у Солнца [\[19, с. 38\]](#).

В предыдущей статье мы уже отмечали, что лунарные мифы характерны для первобытного строя [\[16, с. 27\]](#). А вот уже включение солнца в пантеон на правах главного божества или одного из двух божеств, наряду с громовержцем, может служить маркером патриархальной, земледельческо-скотоводческой мифологии. Здесь можно говорить о формировании солнечного образа царя. В целом ряде ближневосточных мифологий получает распространение сюжет о борьбе бога солнца с чудовищами и последующем устройении мира. Становится архетипичной мифологема о солнце, разъезжающем в запряженной конями повозке. Также, по всей видимости, к солярным мифам на этой стадии примыкают возникающие мифы о небесном кузнеце [\[26, с. 461-462\]](#).

Таким образом можно выделить следующие архаические солярные мотивы: 1) незначительная роль солнца по сравнению с луной; 2) древнее солнце; 3) солнце как животное, человекоподобное существо, преимущественно женское божество; 4) солнечная лодка (повозка, сани); 5) похищенное солнце (солнце других миров); 6) прожорливое солнце. К числу позднейших мотивов следует отнести заключительный мотив: 7) солнце – земледельческо-скотоводческое божество, Солнце-царь.

Любопытно будет рассмотреть солярные мифы тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров, а также, в сравнительной перспективе, славян и других соседних этносов, на предмет наличия в них как древних, так и более поздних мотивов. Это позволит продолжить накапливать дополнительные аргументы в пользу подтверждения гипотезы В.В. Напольских о существовании особой североазиатской общности мифологий народов Северной Евразии [\[29, с. 119\]](#).

Еще У. Харва отмечал, что у урало-алтайских народов на начальных этапах формирования мифопоэтической картины мира на центральном месте находилось не божество солнца, а луны. Но при этом, тем не менее, те же тюрки вели отчет времени не только по фазам луны, но и по циклам солнца [\[43, с. 243\]](#). О менее значительной некогда роли солнца свидетельствуют самые различные черты в верованиях народов Северной

Евразии. Так, новолуние с большой радостью отмечалось и праздновалось у чувашей. В это время у Уйах-Туры (бога луны) испрашивалась удача в делах и процветание [\[43, с. 242\]](#). То есть, очевидно, что с такими просьбами к солнцу не обращались. Видно, что это была еще инерция прежнего мышления охотничьего общества, живущего не по солнечным, а по лунным периодам.

Интересное наблюдение в отношении солярных представлений марийцев и мордвы было сделано В. Камиляновым, который предположил, что марийское божество солнца Кече когда-то было одновременно богом солнца и луны. Исследователь, со ссылкой на словарь Х. Паасонена, отметил эрзянское божество Ков-Чи-Паз – бога луны и солнца (эрз. ков – луна, чи – солнце) [\[18\]](#). Отметим сразу, что в имени божества на первом месте стоит не солнце, как можно было ожидать, а луна. Казалось бы о значительной роли солнца в прошлом должен свидетельствовать тот факт, что у марийцев и мордвы само слово солнце является табуированным. Так, марийское кече, мордовское ши восходят к праволжскому *kesä со значением «круг» (ср. финское kehä) [\[38, с. 9\]](#). Недаром в марийской вышивке солнце часто прямо так и изображалось в виде круга, либо его вариации в виде ромбов, квадратов [\[39, с. 56\]](#). На наш взгляд, в данном случае табу может объясняться не древней сакрализацией солнца, а как раз представлением о нем как об достаточно простом и менее важном по сравнению с прочими астральными и метеорологическими объектами персонаже. Так, например, удмурты воображали солнце всевидящим оком, глазом вселенной. Сохранились народные сравнения солнца с «золотым клубком под сводом небесной печки», «красным столпом всего мира», «будящей всех красной коровой», «матерью вселенной» [\[12, с. 71-72\]](#).

Архаическая версия о возникновении солнца из части тела первосущества сохранилась в славянской мифологии. Согласно «Голубиной книге», Солнце красное произошло от лица Бога, по другим вариантам свет возник отдельно от Божьего суда и его лика, а солнце от очей Бога. По мнению С.Е. Никитиной, данный сюжет соотносится с мифами о сотворении мира из тела Пуруши, Имира, Паньгу и им подобных существ [\[30, с. 117-118\]](#). у монгольских народов (например, у калмыков) сохранилась версия о том, что солнце и луна возникли из глаз Манзаширина (бодисатвы Манчжуши) [\[9\]](#).

В первобытных мифах народов Северной Евразии, возможно, были нередки представления об изначально отсутствовавшем в уже обжитом и населенном мире солнце. Так, согласно ижорской руне, когда-то люди жили без солнца и луны, ходили ощупью, искали пашню пальцами, а след ноги – мизинцем; при свечах и лучинах пахали и засевали землю [\[32, с. 108\]](#). По одной из версий космогонического мифа коми, солнце появилось также поздно, когда люди уже сеяли хлеб [\[47, с. 384\]](#). У народов алтайской группы, как указывает У. Харва, сохранились представления о том, что прежде солнца не было. Люди тогда летали по воздуху, сыпля искры, и не нуждались в солнечном тепле. Но вот один из людей занедужил. Тогда Бог послал ему духа, который стал водить по дну океана посохом длиной в десять тысяч сажений, пока не спугнул двух богинь. Богини сразу же взлетели на небо. Затем посланник нашел два круглых железных зеркала (солнце и луну) и поместил их туда же. С той поры на земле стало светло. У. Харва считает, что данный миф является следствием христианского предания о светящихся до грехопадения людях [\[43, с. 241\]](#). Однако, как нам кажется, здесь просто имеет место общий древнейший мотив об «отсутствовавшем солнце». Так, согласно башкирской сказке «Царевич Салимьян», дочь Солнечного царя влюбляется во сне в земного юношу (также как тот в нее). Страна Солнечного царя находится в 400 днях

пути. Дочь Солнечного царя не знает покоя, пока Салимьян не приставляет к ее изголовью золотое зеркальце (его он находит под раскидистым дубом за морем) [\[8, с. 363-365\]](#). Очевидна параллель с монгольско-тюркскими мифами о солнце-зеркале (диске), добытом с морского дна.

Еще одним свидетельством прежде незначительной или слабо выраженной роли солнца в мифах является сюжет о его происхождении из огня, воды, либо отождествление с обычным человеком (впоследствии он мог превращаться в культурного героя, божество). Так, не зря героиня уже упоминавшейся марийской сказки Сереброзубая Пампалче сосватана своим отцом за Водяного владыку [\[23, с. 40-41\]](#). При этом солнце могут добывать как пусть и ценный, но самый обычный предмет, вообще, не церемонятся с ним. Вышеупомнутый алтайский миф о происхождении солнца своеобразен и архаичен: а) солнце рождается из некоей водно-подземной среды и представляет собой «железное зеркало»; б) хотя его добывает божий посланник, можно предположить, что в более древнем варианте речь могла идти просто о человеке или каком-то культурном герое.

Шаманская мифология проявилась у хантов в вере в том, что шаман, наблюдая за солнцем (точнее, за его отражением в зеркале), может узнать любые сведения о находящемся далеко человеке. Последней верой объясняется, по мысли У. Харвы, по-видимому, обычай шаманов вешать на свое одеяние металлические изображения солнца и луны [\[43, с. 241\]](#).

В.Г. Котов прослеживает символику зеркала как волшебного предмета, связанного с солярным и императорским культом у японцев (богиня Аматерасу), а также «символикой центра» у башкир и индоевропейских народов [\[21, с. 52, 55\]](#). По мнению исследователя, разбор изображений, содержащихся на декорированных зеркалах древности и средневековья, показывает, что они могут выражать космогонические представления ранних кочевников, когда сам диск зеркала отождествлялся с солнцем [\[21, с. 59\]](#). Таким образом, использование зеркала у ранних кочевников (например, у сарматов), а впоследствии и у башкир, безусловно имеет четко выраженную взаимосвязь с солярным культом и в целом, поскольку в восприятии мира урало-алтайскими народами зеркало сравнивалось с Солнцем, светом, домашним очагом, семейным достатком. Немаловажно, что в шаманской практике зеркалу принадлежало одно из главных мест, поскольку оно являлось как бы вещественным шаманом, выполняя функцию посредника между людьми и миром духов [\[21, с. 61\]](#).

Согласно башкирскому мифу о происхождении рода гайнинцев, когда-то земля была слишком холодной, а солнца не было. Хотя отсутствие солнца объясняется его похищением аждахой, возможно, что изначально речь вообще шла о том, что солнце представляло собой простой огонь, который можно было подвесить на рога оленя, либо женщину, на которой можно было жениться (Тулуа) [\[6, с. 115-117; 21, с. 56\]](#).

По верованиям алтайцев, солнце возникает от того, что герой Очирвани берет огонь, кладет его на свой меч, а затем подбрасывает в небо. Именно из-за того, что солнце сделано из огня, свет его горяч. Долганы считали, что солнце было сотворено днем, а луна – ночью [\[43, с. 242\]](#). Вера в горячее солнце и холодную луну сохранилась в телеутской легенде о том, как некий хан распорядился о том, чтобы его будущий зять доставил с неба и поставил около дверей Луну, а под окном – Мать-солнце. Стоило посланцу приблизиться со своей первой добычей, как у хана замерз котелок на очаге. Но вот явилась Мать-солнце, и чугунок сразу выкипел до дна [\[42, с. 103\]](#). Даже судя по

пересказу, здесь очевидна некая безликость Луны и в то же время подчеркнутая самостоятельность и антропоморфность солнца. Правда, в отличие от индоевропейских мифологий, здесь солнце, прежде всего, женский персонаж.

Косвенно точку зрения о том, что солнце первоначально отождествлялось просто с неким человеком или стихией, или даже с неживым предметом, подтверждают архаические славянские представления (хотя и носящие налет народного христианства) о том, что солнце является то огромной свечой, которую носят ангелы для освещения мира, то исполинской искрой, которая непонятно как удерживается на небе и непонятно как светит, то костром, куда днем подбрасывает дрова старый-престарый дед. Причем последний персонаж явно не рисуется всемогущим небесным владыкой, а самым обычным человеком [\[22, с. 87\]](#).

Некоторым народам, например, древним грекам, кавказским народам, саамам, индейцам, был известен сюжет о персонаже, безуспешно пытающемся играть роль Солнца. Думается, что этот мотив возник тогда, когда роль солнца в мифологии возросла, но еще существовала, пусть и иллюзорная, возможность «заменить» его. Отсюда, например, знаменитый эпизод в «Калевале», когда кузнец Ильмаринен выковывает новое солнце вместо похищенного, но оно не греет. У рассматриваемых нами народов данный сюжет фиксируется у манси. Тарыг-пещ-нималя-сов, один из сыновей небесного бога Торума, вызывается везти Солнце по небосводу. Однако по пути видит дерущихся людей, спускается и умерщвляет их. Торум выговаривает сыну, что ему не следовало это делать как вознице солнца. Светило ведь всегда бесстрастно взирает на творящиеся на земле дела. Тарыг-пещ-нималя-сов, возвращаясь, оживляет людей [\[27, с. 283-284\]](#). То есть сибирский вариант ожидаемо гораздо архаичнее калевальского, здесь солнце запросто может (хотя не без ошибок, но не критично) заменить другой персонаж, пусть и божественного происхождения.

Тем не менее реликты указанных архаических солярных представлений, возможно, сохранились в мифологиях к западу от Уральских гор. Так, мари известен миф о кузнеце и Юмо. Кузнец садится на божье место, представляющее собой золотой стул. С него кузнецу открывается множество творящихся на земле несправедливых дел и он, не совладав со знанием истины, падает со стула [\[24, с. 54-55\]](#). К сожалению В.А. Акцорин комментирует данный миф исключительно с рационалистических позиций. Мол, предание говорит о том, что законы природы выше человека, либо сам Юмо оказывается не в состоянии управиться с социумом [\[24, с. 267\]](#). Схожая легенда о мужике и божьем месте сохранилась и у русского населения. При этом общий источник может быть в христианском представлении о престоле всеведения, как седалище божества [\[26, с. 335\]](#). Впрочем, рискнем предположить, что здесь могла идти речь как о всезнающем солнце, так и позднейшее уже переосмысление мотива в духе мифологемы солнца-царя. Так, в одной удмуртской сказке Шунды-мумы показывает своему зятю, что солнце действительно обходит весь мир и все видит [\[13, с. 29\]](#).

Слабая роль солнца проявилась и в таком широко распространенном у народов Северной Евразии мифе как миф о человеке (реже другом существе, например, животном, предмете) на солнце. Как правило, в этих преданиях ведущая роль принадлежит не дневному светилу, а ночному, луне. Почти у всех народов Северной Евразии (в том числе тюрков, монгольских народов и финно-угров) фиксируется миф о водоноске, помещенной на луну. В то же время у бурятов и якутов хотя в данном сюжете и упоминается солнце, луна просит уступить ей девушку на том основании, что солнце

днем ходит, а она ночью [\[43, с. 243\]](#). В алтайском мифе о лунном старце, насылающем холод, Солнце в ответ на просьбу небесных богов покарать душегубца, не спускается на землю, потому что опасается, что все сгорит от его страшного жара. Это делает за него Луна [\[43, с. 243\]](#). Миф о водоноске, помещенной на небо, у народов Урало-Поволжья (башкир, марийцев, удмуртов, татар, чувашей, мордвы, русских) связан с луной. Объект на солнце (иногда речь идет конкретно о солнечных пятнах) фигурирует в мифах вавилонян («Тиамат видна на солнце»), болгар (люлька с девушкой), поляков (мужчина и женщина, ягненок), белорусов (стол, яйца), украинцев (ведьмы), уйгуров (обезьяна), эвенков (водоноска) [\[9; 40, с. 105\]](#). Еще Н.П. Рычковым было отмечено, что жилище марийской богини Кавы, простирающей власть на все человеческие нужды, находится в самом зените неба так, что «когда солнце среди лета взойдет на полдень, то в то время светит оно возле самого ее жилища» [\[16, с. 230\]](#). Как и у марийцев, у удмуртов жилище небесного божества (Кавы, Инмара) находится непосредственно на солнце [\[13, с. 28\]](#).

К числу ранних солярных мифологем можно отнести также те, где солнце движется строго горизонтально и не заходит за линию горизонта. Ночь же якобы наступает от того, что светило заходит за огромную гору на севере (Меру). Некоторой ее модернизацией стало представление о том, что солнце ночью проходило часть пути под землей (под водой). Первое представление, по мнению Б. Рыбакова, сформировалось еще в палеолите и объяснялось узостью, точнее плоскостностью, охотничьего восприятия мира. Второе – получает распространение в эпоху бронзового века. Сведения о не заходящем за горизонт солнце обнаруживаются в русских переводных рукописях с XV века [\[37, с. 226\]](#). В славянском фольклоре мотив «купающегося» солнца характерен для праздника Ивана Купалы. У монгольских первый сюжет получил распространение благодаря буддийской космологии. В частности калмыки верили, что Солнце движется вокруг священной горы Сумеру, имеющей четыре склона [\[28, с. 250\]](#).

У народов Северной Евразии сохранилось немало представлений о прежнем, менее благоприятно расположенном к людям, дневном светиле. Прежде всего здесь следует выделить мифы о нескольких солнцах и мифы о солнечных затмениях («черном солнце»).

У монгольских народов, а также башкир, чувашей и удмуртов присутствует легенда о множестве солнц в далеком прошлом. Так, согласно бурятскому преданию, три лишние светила сбивает из лука Эрхэ-мэргэн, в результате чего остается одно нынешнее [\[43, с. 242\]](#). В торгутской легенде три солнца создает Шулмус, злой дух, чтобы сжечь сотворенную Бурханом-Бакши, добрым духом, землю. После потопа сохраняется лишь одно солнце на небе, другие солнца отправляются в бездну вместе с Шулмусом [\[41, с. 242\]](#). У башкир таким метким стрелком-мэргэном оказывается Урал-батыр. Число солнц в башкирском предании гораздо меньше. Их всего два, но они своим светом мешали спать людям (точнее – некоему баю). Из одной половинки сбитого солнца получается луна, а из другой – гора Уралтау, богатая разными сокровищами [\[6, с. 31\]](#).

Чувашский миф о трех солнцах отличается от башкирского и удмуртского вариантов и ближе к сибирским и дальневосточным типам. Причем тема жары от избыточных светил здесь уже сменяется темой наступившего холода от погашения (убийства) второго лишнего солнца и бегства в ужасе от людей оставшегося единственного. Интересно, что чувашский миф сохранил древний мотив о том, что всегда существует опасность уничтожения или гибели даже последнего солнца (у монгол, тувинцев, алтайцев и т.д.) [\[9\]](#).

В.Е. Владыкин отмечает, что в самых разных изображениях, так или иначе имеющих отношение к удмуртам, встречаются 3, 5, 7, 9 и более солнц [\[12, с. 71-72\]](#). Впрочем, как и у чувашей и башкир, у удмуртов сохранился настоящий миф о лишнем солнце. Согласно ему, когда небо еще низко располагалось над землей, светили три солнца. Появившиеся люди, чтобы умерить нестерпимый жар, выстрелили из лука, погасив по всей видимости два солнца. После этого небеса с оставшимся светилом поднялись высоко [\[13, с. 27\]](#). В целом удмуртский миф несколько похож на чувашский. Согласно мифу восточных хантов, шаман добирается на чудесной птице до места, где живет Торум (Алле-Ике, Наги-Ике – Большой, или Белый Старик), там сияют восемь солнц [\[9\]](#).

У балто-славян, как уже о том говорилось выше, мифы о лишнем солнце бытуют в двух вариантах. Согласно первому, прежде имелось четыре солнца или даже луна была вторым солнцем, но Бог подослал к ней змею, чтобы та выпила его. Здесь напрашивается вывод о том, что возможно в древнейших космогонических представлениях первобытного человека солнце сравнивалось с неким космическим яйцом, которое, подобно птичьему, может быть выпито змеей. По всей видимости, именно так и объяснялась природа солнечных затмений. Иногда речь может идти о множестве солнечных глаз, которые также выпивает змея [\[9; 40, с. 102-104\]](#). Второй мотив связан с неудавшейся женитьбой солнца, когда животные узнают о готовящейся свадьбе и прилагают усилия, чтобы избежать появления огненных детей у солнца, грозящих сжечь жаром землю [\[9; 40, с. 105\]](#).

Еще одной архаической солярной мифологемой, на наш взгляд, следует признать мотив нападения на прежнее враждебное солнце. Чаще всего он связан с истреблением лишних солнц (как у башкир, чувашей, удмуртов), хотя и не всегда. Например, в мифе коми Пера, сын Пармы-земли, садится Радуге на рога, посещает верхний мир, где женится на Зарань, дочери Солнца, и спускается с девушкой на землю. Недовольное Солнце велит дочери возвратиться, угрожая все испепелить. Но Парма-земля не пускает родившихся у Перы детей к матери. Пера и его семь сынов выстреливают в Солнце из луков, отбивая кусок, который падает в тайгу и зажигает в ней пожары [\[47, с. 384\]](#).

Вообще, мотив нападения на солнце распространен на юго-западе Африки, в центральной Азии, Сибири, индейцев Америки. Он очень характерен для тюрко-монгольских народов и практически неизвестен в Европе и на Ближнем Востоке [\[9\]](#). Частным случаем данного мотива является сюжет о спрятавшемся стрелке и отрубленном пальце. Так, согласно тувинскому мифу, сурок прежде был человеком, охотником. Тогда светили на небе три солнца. Сурок выстрелил в одно из лука и промахнулся. Тогда в сильной досаде он отрезал себе большой палец и зарылся в землю. У алтайцев, монголов и ойратов в роли стрелка-сурка выступает Эрхий-мерген («стрелок Большой палец») [\[9\]](#).

Интересную параллель тюрко-монгольским вариантам этого солярного сюжета похоже нам удалось обнаружить у марийцев, живущих в Башкирии. Согласно преданию последних, старик-охотник Вегеней, отличавшийся сказочной меткостью и удачливостью, во время охоты нашел березняк, который испускал белый свет. Это место так пришлось Вегенею по душе, что он основал здесь поселение. Вегеней поклялся, что его душа не покинет его, пока он не возвратится в эту деревню. Чтобы закрепить клятву, охотник откусил собственный мизинец [\[39, с. 98; 24, с. 221-224\]](#). При этом считается, что имя Вегеней (Веденей) происходит из древнемарийского прозвища Ведин, Ведын (букв. «водный, живущий у воды») [\[15, с. 304\]](#). Еще в одном варианте легенды Вегеней

(Пегеней), возможно, находит чудесный березняк двигаясь по брошенной в воду щепке [\[24, с. 215-216\]](#). Схожий способ поиска, кстати, встречается в карельских и башкирских сказках [\[7, с. 309, 427\]](#). То есть здесь не только вероятно отзвук мифа о солнечном стрелке (светящийся белым светом березняк возможно является образом солнца), но и отзвук урало-алтайского космогонического мифа о происхождении солнца из огненно-водной среды.

Мифы о солнечных затмениях являются частью преданий о «черном солнце». По бурятским сказаниям, когда Солнце и Луну поглощал дракон Алха, имели место очень продолжительные солнечные и лунные затмения. Татарам и чувашам известно предание о вампире (убыре), который периодически проглатывает Солнце и Луну, но потом извергает их, потому что они жгут ему рот [\[43, с. 244\]](#).

В предыдущей статье мы уже отмечали, что в монгольской мифологии завязка указанного сюжета о проглоченном солнце сохранилась в более драматичной форме (с очевидным буддистским влиянием). В нем возникновение Солнца приписывается богам-дэвам и демонам-асурам. После того как Солнце и Луна были возвращены на небо из первичного Молочного моря, асуры присвоили себе некий напиток. Хормуста, призвав дэвов, велел похитить напиток, дабы асуры не стали сильнее. Солнце, приняв облик прекрасной девушки, хитростью смогло добыть у асуров их сокровище [\[42, с. 105-106\]](#).

У башкир до сих пор можно было наблюдать обряды, связанные с солнечным затмением. Например, при затмении солнца башкиры заставляли плакать детей, кричать животных, совершать обряд жертвоприношения, обращаться с молитвою к солнцу: «Господи, благодарю... За то, что живу на белом свете, за то, что ты согреваешь, очищаешь». Солнце как божество выступает и в обряде вызывания солнца Аяз телеу. Суть его сводится к тому, что при непрекращающихся дождях на холме или на другом возвышенном месте совершали жертвоприношение Ак корбан («Белый курбан») и устраивали коллективные моления в честь солнца [\[44, с. 150\]](#).

На наш взгляд, некоторым самостоятельным развитием мифологемы «черного солнца» является мотив, когда солнце не проглатывается каким-либо существом, а заслоняется. Наиболее архаическим здесь, по всей видимости, следует признать мотив закрытого птицей дневного светила. Так, венгры считали, что солнце во время затмений становится жертвою птицы Морколаб (название возводят к славянскому волколак). Гнездо последней находится на так называемом «дереве заката». Согласно тувинскому мифу, Йовгун-мерген однажды сказал людям, что глаз солнца был закрыт крылом птицы Хан Герди. Йовгун-мерген выстрелил в птицу, перебил ей стрелой крыло и солнце вновь воссияло. Однако люди стали бояться солнца (Йовгун-мерген предупредил, что солнце приведет людей к гибели). Тогда стрелок ушел и превратился в черный камень, а потом и камень пропал. У селькупов когда Лаб-ира, птица с железными крыльями, раскрывала рот, начиналось солнечное затмение. Также причиной солнечного затмения могли быть орлы, вороны, облака [\[9\]](#). В упоминавшемся выше алтайском мифе о происхождении солнца, светило не только рождается из некоей водно-подземной среды, но и фактически отождествляется с одной из птиц, то есть имеет орнитоподобный облик.

Можно предположить, что удмуртам и марийцам в прошлом был известен миф о буквальном «черном солнце» в виде отдельного от настоящего солнца объекта. Так, удмурты считали, что чтобы солнце не сбилось с пути, Шунды-мумы (мать солнца) двигается перед ним в очертаниях некоей черной чаши, указывая дорогу светилу [\[12, с.](#)

[71-72\]](#). Возможно, к данному преданию имеет какое-то отношение слышанная одним из соавторов статьи (И.А.) от деда восточномарийская песня о черной деве (шем йудыр), которая утром, играя, приходит и на вечерней заре с медной флейтой во рту [\[33\]](#). Эту догадку косвенно могут подтверждать данные о том, что удмурты называли Шунды-мумы паука-крестовика, который своей сетью мог заткать солнце и лишить мир света. Дабы этого не случилось, подымается ветер. Другое объяснение солнечных затмений сходно с тюркским (оно известно и у мари) о том, что затмения солнца происходят от того, что его проглатывает злой Убыр (Вувер у мари, Убыр и Лыбыр у татар) [\[12, с. 72\]](#). Согласно позднему мифу о преимуществе удмуртской веры перед верами татар и русских, солнечное затмение оканчивается тогда, когда начинают молиться удмурты [\[13, с. 28-29\]](#).

Как уже отмечалось во введении статьи, представление о солнце как о животном или вообще живом существе (подобным зверю или человеку) и преимущественно женском персонаже следует признать довольно архаической чертой. Так, смерть матери, хозяйки юрты тувинцы уподобляли заходу солнца [\[19, с. 24\]](#). В конце 1980-х годов один из соавторов настоящей статьи (И.А.), был свидетелем похорон девочки-подростка в городе Уфе. Женщины-плакальщицы шли и причитали: «Закатилось ты наше солнце красное».

Солнце тюркские народы могли представлять в виде огненной птицы, крылатого коня (лошади), барана, оленя, быка, золотой курицы, ястреба. Этот мотив встречается на древних украшениях. Также Солнце, по всей видимости, было связано с божествами: Кайра (Kayra) в виде лебедя, Богиней Земли (Torpak Ana), а также Кок-Тенгри (Бог Неба) [\[49; 48\]](#).

Солнце у алтайцев народов Эне-Кюн (Мать-солнце) включалось в систему верховных богов и, живя на пятом слое неба (или шестом), могло иметь братьев и сестер: Эрлика, Мергена, Ульгения, Умай и т.д. [\[31, с. 126-130\]](#). Считается, что Алан-Гоа, богиня-мать, зачала своих сыновей от луча, проникшего в юрту через дымовое отверстие [\[20, с. 81\]](#).

В эпосе «Урал-батыр» верховным божеством и божеством Неба и птиц у башкир выступает Самрау. О нем его старшая дочь Хумай, солнечная лебедь, говорит, что тот не смог найти себе пару на земле и тогда кинулся к небесам, где встретил Солнце и Луну, которые полюбил. От них у него родилось две дочери. При этом Самрау может отправить в нижний мир дивов и змей, то есть выступает повелителем сразу трех миров. В свою очередь Солнце (Кояш) через образ царя птиц также увязывается с хтонической сферой [\[44, с. 147\]](#). Кояш вручает своей дочери небесного коня Акбузата, который в дальнейшем оказывается имеет отношение к судьбе солнечной девы, выступая ее покровителем [\[44, с. 148\]](#). В архаической марийской сказке героиня помогает мужу поймать крылатого коня Аргамака [\[23, с. 179-187\]](#). Здесь общая урало-алтайская мифологема связи солнца (отождествления) с крылатым конем очевидна. Впрочем, возможно, судя по тюркскому имени марийского чудо-животного, речь может идти и о заимствовании.

Древний алтайский мотив связи божества солнца с водной стихией сохранился и у башкир. Так еще в XIX в. М.В. Лоссиевский записал легенду о Кояш-русалке, которая вышла со дня моря. Кояш имеет русые в несколько обхватов волосы, которые покоятся на воде. Руками солнечная русалка снимает звезды с неба и прикалывает к своим волосам [\[44, с. 148-149\]](#).

Солнце как живое существо рисуют башкирские фразеологизмы: солнечный ожог («съеденный солнцем»), солнечное затмение («похищенное солнце»), Кояш-апай

(«сестра/тетя-солнце») [\[1, с. 15\]](#). Следует также добавить, что и с синонимом слова кояш – кён в башкирском языке наличествует множество аналогичных фразеологизмов: солнцепек («лицо солнца»), ореол солнца («уши солнца»), солнечный удар («солнечное проникновение») [\[2, с. 657-675\]](#). Об антропоморфности солнца свидетельствуют и диалектные названия запада и востока у башкир: запад («место, куда тонет солнце»; «место, куда солнце ежедневно заходит»; «место, где солнце спит») восток («место, где рождается солнце» и др. [\[2, с. 662, 667, 669, 673\]](#). У башкир также сохранились реликты клятв с упоминанием солнца: «Вот солнце!», «Солнцем клянусь» и др. Клятва скреплялась ритуальным питьем крови [\[44, с. 149\]](#).

Об антропоморфности солнца свидетельствуют также башкирские запреты, благопожелания, проклятия. Так, по верованиям башкир, солнцу нельзя показывать грязь, различные нечистоты, непогребенных покойников, нельзя говорить «кояш сыкты» («солнце вышло»), «Кояш батты» («солнце утонуло»). Если не следовать этим запретам, солнце может рассердиться и наслать проклятия. Например, если сказать «Кояш сыкты», солнце может наслать проклятие: «Пусть и твои глаза вылезут!» [\[44, с. 150\]](#).

Также в башкирском фольклоре уцелели названия солнца, свидетельствующие о его восприятии как божества: Кён эйэхэ (Дух, хозяин солнца), Кояш тенре (Божество солнца), Кояш батшахы (Царь солнца), Кён эйэлэре (Духи, хозяйева дня, солнца). О божественной сущности солнца говорят и названия божьей коровки, отмеченные в башкирских диалектах: «сестра (тетя) солнце», «солнечный червь», «смотрящий на солнце», «бабушкино солнце», «греющий солнце» [\[44, с. 149\]](#).

В отдельных башкирских легендах в отличие от эпоса «Урал-батыр» Солнце представлено и как мужской персонаж. Например, согласно преданию «Племя тангаур», праматерью башкир-тангауров стала девушка, зачавшая от солнечного луча [\[6, 122\]](#). Таким образом, по этой этногенетической легенде, Кояш – мужчина, отец рода. Как известно, мотив рождения от луча солнца встречается в верованиях многих тюркоязычных народов, а также в древнегреческой мифологии [\[26, с. 461-462\]](#). Интересно отметить, что в именнике башкир с элементом кояш (кён) представлены как мужские, так и женские имена: Кояш, Кояшбикэ, Кёнхылыу, Кёнбакты и др. Добавим, что божество Kün tǝŋri «бог-солнце» зафиксировано в памятниках древнетюркской письменности [\[14, с. 326\]](#). Из мифологических воззрений современных тюрков стоит отметить наличие нескольких солярных божеств у чувашей (Божество солнце, Отец солнца, Мать солнца, Дети солнца) [\[26, с. 538\]](#).

Согласно башкирскому мифу о происхождении рода гайнинцев, солнце было связано с хозяйкой огня и воды (Тулуа, Тулва). Кроме того, именно олень выносит солнце на своих рогах [\[6, с. 115-117\]](#). Семантика образа общетюркской богини Умай связана с одной стороны с солярным культом, с другой стороны – со стихией огня. В башкирской мифологии имеется эпитет Солнца, которое именуется «Ут-Кояш» (Огонь-Солнце), а в шумерской мифологии бог Солнца называется Уту [\[45, с. 120\]](#). По свидетельству советского тюрколога Л.П. Потапова, хакасский шаман, обращаясь к Умай, призывал огонь, а у телеутов им же было зафиксировано заклинание, в котором Умай называется тридцатиголовой/сорокаголовой матерью-огнем, способной оттопить все мерзлое [\[34, с. 280\]](#).

Можно также отметить связь образа Умай-Хумай со священной птицей (лебедем,

лебедкой), прослеживающуюся в башкирской мифологии. В эпосе «Урал-батыр» Хумай предстает то в образе прекрасной девы, то в образе священной птицы-лебедя [\[17, с. 237\]](#). Не только предки башкир увязывали образ Хумай-Умай с птицей. Л.П. Потапов, в частности, указывает, что у кумандинцев шаман (кам) во время обряда взывания к Умай, обращался к ней таким образом: «С ясного неба паря (как птица) спустись, / Мать Умай (словно) птица-мать!» [\[34, с. 276\]](#). По мнению А.Ф. Илимбетовой, образ птицы-девы, птицы-матери связан с очень древним пластом тотемистических представлений, которые восходят еще к временам палеолита [\[17, с. 3\]](#).

Д.Ж. Валеев считал, что главными божествами древнебашкирского пантеона являлись: Тенгри – главный бог, олицетворявший поклонение небу, Хумай – богиня плодородия и Самрау – небесный царь. В этой схеме Хумай и Самрау выступают супругами. В их браке рождаются Айхылуу (луна, месяц) и Кояш (солнце) [\[10, с. 7\]](#). Таким образом, можно считать, что богиня Умай-Хумай, олицетворяя как это характерно для общетюркского классического пантеона силы плодородия, одновременно являлась у башкир и солярным божеством, связанным с Солнцем через стихию огня и стихию воздуха (в образе птицы Хумай, а также и птицы Самригош, упомянутой в башкирских преданиях и сказках [\[8, с. 371-374\]](#).

Солярную сущность, по мнению исследователя З.Г. Аминева, имеет и главный герой основополагающего башкирского эпоса «Урал-батыр», ибо он действует как типичный герой-демиург космогонического мифа, повторяя годовой путь солнца по небесной сфере. Закончив свою миссию, этот герой должен скрыться, подобно солнцу, дабы возродиться вновь (финский Вяйнямйнен, мордовский Тюттян, индейский Гайавата). Обойдя все четыре стороны света, Урал завершает свое мироустроительное предназначение и удаляется со сцены. Подобно Озирису, герой башкирского эпоса выступает против олицетворяющего силы Хаоса темного (подземного, водного) демиурга Шульгана [\[5, с. 94\]](#). Таким образом, в башкирской мифологии солярное божество выступает в трех ипостасях: 1) Кояш, как жена небесного царя Самрау (олицетворения Неба), или Кояш, дочь Солнца (в сказке «Солнечная девушка»), в тоже время связанная с Солнцем через стихию огня и воздушную стихию; 2) как Хумай – Солнечная дева, олицетворение богини Умай; 3) как Хумай – жена Урала, как антропоморфного богочеловека, демиурга и культурного героя [\[4, с. 42; 5, с. 91; 8, с. 365-370; 45, с. 120\]](#).

Интересны схождения марийского мифа о творении первых людей и башкирской сказки «Солнечная девушка». В марийском мифе говорится о том, как Тюн-Юмо (Главный Бог) и Шочын-Ава (Мать Рождения) творят первые пары людей в полдень, искупавшись в реке. При этом им покровительствует сам верховный владыка Юмо в образе лося, впоследствии награждая Тюн-Юмо и Шочын-Аву рогами [\[15, с. 346\]](#). В башкирской сказке «Солнечная девушка» сын бая видит во сне девушку по имени Солнце и влюбляется в нее. Герой отправляется на поиски девушки-Солнца. Сперва он останавливается у некой старухи. Та говорит, что по дороге сын бая встретит лося и тот укажет дорогу. Но лось говорит, что укажет дорогу к Солнцу, когда его рога сравняются с вершинами елей. Вторая старуха помогает герою пройти с помощью ленты по мосту через море к золотой горе. На вершине ее сидит златоволосая девушка. С ней сын бая проживает 800 лет. Но потом его «тянет земля». Юноша, получив три яблока от жены (с наказом: когда затоскуешь – съешь), возвращается домой. Но от дома следа не осталось. Дома родители давно умерли. Юноша ест одно яблоко и становится пожилым человеком с черной бородой и черными усами. Второе яблоко превращает его в согбенного старца. Третье яблоко приносит смерть. Хотя в стране Солнца было все красиво, «умирать человек

вернулся на свою родину» [\[8, с. 365-367\]](#).

Как отмечает П.С. Паллас, Солнце было предметом особого почитания у калмыков. По их мнению, светило состояло из стекла и огня и в окружности имело почти тысячу километров. По мнению П.И. Небольсина, калмыки верили, что Солнце оплодотворяет и наполняет жизнью землю. Оно является источником всего необходимого для благоденствия человеческого рода [\[28, с. 250\]](#).

Чуваши почитали богов света – Сута тенче и солнце – Хевел, которые находились в подчинении у верховного бога Султи-туры. Кроме того, наряду с солнцем они выделяли Отца солнца, Мать солнца, Детей солнца. Подобно, например, башкирам, чуваша выделяли (не только в речи, но и как почитаемые объекты, божества): уши солнца, крылья солнца, ноги солнца [\[26, с. 538\]](#). Последнее, несомненно, свидетельствовало о представлении дневного светила подобием человека или даже фантастического животного (птицы, оленя, коня и т.д.).

Еще в XVII в. мари, в первую очередь, почитали солнце и, наравне с огнем и водой, воображали его чем-то более высшим, чем все остальное в мире [\[36, с. 427\]](#). У марийцев конь с лосиными рогами помимо прочего символизирует само солнце, на что особенно просят указать старшие информанты (1924, 1930-е г.г.). Интересно, что мотив орнамента «коня» с элементами «лося» до сих пор можно встретить в марийской вышивке [\[46\]](#). Некоторые исследователи еще в позапрошлом веке предположили, что марийское выражение кече йол (солнечный луч, «нога солнца») означает, что божество солнца имело антропоморфный облик [\[39, с. 56\]](#). Однако ноги могло иметь любое крупное копытное животное – солнечный конь, лось, олень.

Согласно народным марийским представлениям, 4 апреля отмечался особый день, посвященный богам Кече-Он и Кече-Аве. По данным В. Камилянова, в этот день по солнцу определяли, каким случится год. Чтобы скот был здоров, его обливали талой водой. По метеорологической примете, в случае если на восходе вокруг солнца были видны красные круги, это сулило урожайный год [\[18\]](#). В целом, у марийцев Кече являлся олицетворенным солнцем, божеством, выступающим «в роли подателя света, жизненного благополучия» [\[39, с. 55\]](#).

Также как тюркские и монгольские народы Сибири, и башкиры, и чуваша, и марийцы выделяли не только одно Солнце, но целую группу солнечных божеств. Собственно божествами солнца у мари выступали: Кече-ава, Кече-Юмо, Кече-Пурьшо-Юмо, Кече-Он, а также Кече-Кюрюж, Кечывал-Юмо и Кече-Шырт. Это куда больше, чем соответствующих божеств Луны, что лишний раз свидетельствует о возрастании у восточных финно-угров солярного культа [\[39, с. 56-57; 122-123\]](#). О том, что боги солнца были наиболее почитаемы у мари, говорит В. Камилянов. По его мнению, основными солнечными богами являются Кече-Он и Кече-Ава. Помимо этих парных божеств, исследователь отмечает Кече-Юмо, бога солнца. Однако, по мнению В. Камилянова, последний часто путается с Ош-Кече-Юмо, богом белого дня и света из-за того, что слово кече в марийском языке одновременно обозначает день и солнце. Ош-Кече-Юмо, со слов стариков, был именно богом не солнца, а белого дня, белого света. В его штат входили Ош-Кече-Кугу-Пуйырышо – «предопределитель судьбы белого дня, света», Ош-Кече-Шочын-Ава «мать белого дня, света», Ош-Кече-Пиямбар – «помощник Ош кече», Ош-Кече-Витнызе «докладчик Ош-Кече» [\[18\]](#). Также исследователь отмечает: Кече-Пуйырышо-Кугу-Юмо (букв. «великого создателя белого дня»), приводимых у К.

Ситникова Кече-Шырта – духа солнца и Кече-Кюрюжа – «бога солнечного диска, кольца» (К. Ситников затрудняется дать перевод слова кюрюж). Связанным с последним персонажем выступает Кече-Корно – «определяющий путь солнца» [\[18\]](#).

Таким образом, Кече-Ава выступает матерью солнца, иногда в образе Ош-Кече-Шочын-Авы, то есть рождающей матерью светлого солнца или даже Кече-Шочын-Ава-Юмо (то есть богини-матери солнца). При этом Кече-Ава не только ниспосылательница здоровья и жизненного благополучия, но и охранительница семьи и всего народа. Также она сохраняет людей от заразы. По одним сведениям, Кече-Ава одинока, по другим – является супругой Кече-Юмо или Кече-Она. Ей в жертву приносят либо красную (рыжую), либо белую корову. Кече-Аву первоначально почитали исключительно женщины, устраивавшие особые общественные моления, во время которых богине жертвовали теленка или овцу. Возможно, отголоском мифа о том, что некогда солнце было создано из части снесенного уткой яйца, является обряд вымаливания румянца для ребенка: молящийся, обращаясь к Кече-Аве, клал на пень яйцо [\[39, с. 56\]](#).

Кече-Юмо является «богом солнца» в представлениях марийцев. Считалось, что именно он зажигает дневной свет, согревает землю солнцем, дает произрастать из земли растениям и, кроме того, предохраняет их от любого вреда. Кече-Юмо имеет двух помощников Хршана и Сожола. Чаще всего Кече-Юмо называется Ош-Кече-Куго-Юмо, что значит «великий бог светлого солнца». Кече-Юмо имеет целый штат более мелких богов, куда входят предопределитель солнца, рождающая солнце мать, пророк, писарь. Нижегородские марийцы считали Кече-Юмо главным богом и молились ему в роще на Грозных горах [\[39, с. 57\]](#). Кече-Юмо приносили в жертву быка, корову или гуся [\[41, с. 103\]](#).

Марийский Кечамыш – сын солнца, вероятно, брат Тылчака, сына луны, приятель Вультака (Сына Белой кобылы). Кечамыш, нашедший себе жену в лесном доме, гибнет от рук злобного подземного карлика-демона Кынергут-Тале (его душа находится в черной утке). Смерть Кечамыша приключается на вершине горы. Но топаньем-дуновением Белой кобылы Кечамыш возвращается к жизни. При этом характерно что жена Кечамыша в подземном мире рождает дочь (жена Тылчака – сына). Жизнь дочери Кечамыша оказывается заключена в яйце белой утки [\[11, с. 559; 16, с. 30\]](#).

В уже упоминавшейся выше архаической марийской сказке «Дочь богини солнца», формально относящейся к типу СУС 402 «Царевна-лягушка», младший сын царя Кокша женится на Кечави-Йудыр, имеющей облик жабы, дочери солнца. В отличие от русского варианта, Кечави-Йудыр не проклята, а носит свою жабью шкуру согласно обычаю (то есть одежду, в которой замуж вышла). Дочь Солнца и ее сорок сестриц-лебедушек помогают Кокше добыть крылатого коня Аргамака. Но после того как Кокша сжигает шкуру жены, ему приходится искать ее на небе. Добравшись до жилище богини солнца Кечави, он прячется с помощью тещи за тучу. Приходит жена и обнаруживает незваного гостя. Кокша хватает Кечави-Йудыр, но та оборачивается то медведицей, то волчицей, то лесным страшилищем. В конце концов Кокше удается утихомирить жену и она покоряется ему [\[23, с. 179-187\]](#).

В.Е. Владыкин отмечает, что удмурты представляли Шунды, солнце, с четырьмя ногами, которое символизировало бегущего по небу зверя. Удмурты воображали солнце в зооморфных образах утки, гуся, лебедя, оленя, коня [\[12, с. 71-72\]](#).

Что же касается упоминавшегося выше алтайского мифа о происхождении Солнца и Луны, то он своеобразен и архаичен. Согласно ему, Солнце не только рождается из

некоей водно-подземной среды, но и по существу отождествляется с одной из птиц, то есть имеет орнитоподобный облик, подобный облику башкирской Умай-Хумай. К тому же, хотя солнце добывает божий посланник, можно предположить, что в более древнем варианте речь могла идти просто о человеке или каком-то культурном герое вроде башкирского Урала – демиурга и культурного героя. Об очень прочной связи образа солярного божества у тюрков с культом птиц свидетельствуют данные по казахам. Так, по мнению Р.Т. Алмухановой, казахи объясняют запрет убийства акку (лебедя) не только потому, что он является символом супружеской верности. Своей белизной лебедь символизирует верхний мир, в котором находится Солнце. Непроста, когда восходит дневное светило, казахи говорят, что «рассвет побелел» [3, с. 36].

В представлениях обских угров выделялись богини солнца: Хотал-эква (у манси), Катлими (у хантов). Считалось, что днем Хотал-эква проезжает по небу на крылатом олене, пылающем золотым пламенем, а на закате плещется в озере живой воды [26, с. 597]. Вообще повсеместно у ненцев, всех хантов (что показатель в виду большей архаичности хантов как этноса) и манси Солнце считалось женщиной, а Месяц мужчиной. Согласно хантыйским представлениям, люди произошли от брака Солнца и Месяца. Светила же в предчувствии бед всегда поедают себя и тем самым предупреждают о грядущих бедствиях своих «детей». Вероятно, некоторые особо архаические хантыйские солярные представления сохранились в ненецком мифе о Юно Нью, сыне лошади, который убежал прямо на солнце. Юно Нью впоследствии подружился с Иба-сеем Нью (Тепла-сердца Сыном) и Пий-сей Нью (Ночи-сердца Сыном). Потом трое друзей взяли в жены Хабей Не (Хантыйских Женщин) в облике лебедей. После чреды приключений, Юно Нью удалось не только оживить погубленных чудовищем своих товарищей, но и стать благодаря матери-кобыле, верховным небесным богом Нумом вместе со своей женой Хаер (Солнцем). Сюда же стоит добавить, что у северных хантов Торум-анки, жена Нуми-Торума, ассоциировалась с солнцем [9]. В этом мифе, поразительно похожем на соответствующие марийскую, венгерскую сказки, а также на некоторые алтайские и монгольские сюжеты, можно обнаружить четкое соотнесение Солнца с белой кобылой, а ее сына с владыкой неба.

Определенные следы архаических представлений о прошлой связи солнца с различными животными содержатся в распространенной мифологеме «солнце едет». Так, болгары считали, что Солнце, брат Месяца, Утренней и Вечерней звезд, с утра передвигается на коне, а после полудня на осле. Русские верили, что Солнце с утра и до обеда едет на воле, после обеда пересаживается на зайца и едет быстрее. Мордва добавляла в этот список волка (днем). Чуваши – лошадь. Кроме того известна архаическая русская сказка в записи А. Афанасьева, в которой солнце едет на красном коне. Также солнце в представлениях русских может выступать просто красным человеком, крылатой девушкой со светящейся одеждой. В словацкой сказке речь идет об особом "солнечном коне", освящающем погруженную во тьму страну [9].

Русские отмечали, что у Солнца есть мать и несколько сестер, которые при объезде неба поочередно сменяют друг друга. Солнце также может выступать женой месяца, ветры – сыновьями, звезды – дочерьми [9]. В представлениях калмыков солнце и луна – сестры, которые не нашли себе мужей и потому поднялись на небо. Коми считали солнце сестрой, а месяц братом. Кроме того у коми сохранился миф о том, что лунного быка может стащить на землю только пастух – сын Солнца, который должен напиться заячьего молока, добытого с помощью осинового подойника и зуба бобра [9].

Представление о солнце как о женском божестве были распространены у удмуртов, мордвы, татар, башкир. Удмурты указывали, что есть Вожомумы – мать летнего и зимнего солнцестояния и Шунды-мумы – мать Солнца. Шунды-мумы (Солнце-мать) при этом следит за восходом и заходом, указывает дорогу Солнцу. Считалось, что когда Солнце подымается, раздается треск, как от дров в печи. Но этот треск может услышать только сильный конь. Здесь, очевидно, связь Шунды-мумы с конем не случайна. Солнце (Шунды) у удмуртов также являлось вселенской матерью и ассоциировалось с женским началом. Мордва полагала Солнце – девушкой, женщиной Варой, имеющей дочь Проскофью. Татары считали Солнце – женщиной [\[9\]](#).

Представление о том, что солнце женщина было характерно для тюркских и монгольских народов Сибири. Так, алтайцы воображали солнце кюн женщиной, женой месяца. Они помещали Солнце-мать кюн-ана на седьмом ярусе неба вместе с Мерген-Тенгре. Телеуты также верили, что мать-солнца располагается на седьмом либо пятом ярусе неба. Буряты различали восьминогую Солнце-мать и девятиногого Месяца-отца. Также солнце могло выступать под именем Налхан Юрэн эхэ («ласковая мать Юрэн»). При этом с женским солнечным началом соотносились четные числа. Отсюда при отображении солнца изображалось восемь (в большинстве случаев) концентрических кругов с соответственно восемью и девятью ногами (иногда в виде спиц-лучей). Эти светила имели восемь и девять ног. Солнце (наран) и луна обладали единым хозяином женского пола. На солнце обитали девять юношей против восьми девушек на луне. Таким образом, в монголоязычной традиции Солнце и Луна считались дочерьми тэнгри Эсэге Малан. Сыном солнца выступал Огонь. Иногда Солнце и Луна изображались в виде двух женских фигур с сиянием в виде трех рогов над головами. Стоит заметить, что в монголоязычной традиции, когда Луна – женщина, Солнце тоже всегда женщина [\[9\]](#).

У якутов Солнце и Луна – сестры. Когда приходит в гости одна сестра, младшая прячется. У эвенков солнце женщина, мать, покровительница охоты, зверей и растительности, а также бабушка, которая зимой прячется в юрте, копит тепло, чтобы выпустить его весной. Как мать, вдова Месяца, Солнце имеет дочь, но очень ревниво относится к тому, что та выходит замуж за земного парня. Учув запах смертного, она прогоняет дочь вместе с зятем. При этом у эвенков солнце, луна, гроза и другие астральные и метеорологические объекты могли раньше жить на земле в образе обычных людей. Возникновение дальнейших объектов в мире: деревьев, ястребов с красными лапками, радуги, грозы, туч, солнца и луны объясняется борьбой женщин, ставших впоследствии солнцем, луной и ястребом, за одного мужчину [\[9\]](#).

Хотя последний эвенкийский миф больше напоминает архаические австралийские и папуасские мифы, позволим себе смелость соотнести его также с широко распространенным у урало-алтайских и славянских народов сюжетом о том, где солнце и демон соперничают из-за героя (месяца). Как правило, солнце здесь выступает женским персонажем (иногда как «солнцева сестра», живущая на вершине высокой горы, на небе) [\[27, 65-66; 9\]](#). Ю.Е. Березкин, Е.Н. Дувакин считают принадлежащим к указанному типу сюжет башкирской сказки «Плешивый и его сестра-оборотень», где герой бежит от злодейки-сестры к женам-царевнам на Кук-тулпаре [\[8, с. 116-117\]](#). Сюжет имеется и у русских. Достаточно указать на сказку «Ведьма и Солнцева сестра».

К числу древнейших солярных мифов, по всей видимости, следует отнести миф о рождении солнца из яйца. В наиболее развернутой форме он известен у коми. Согласно ему из разбитого Еном о тело матери-утки яйца появляется солнце [\[47, с. 414\]](#). У других

восточных финно-угров и тюрков миф о возникновении солнца из яйца прямо не фиксируется. Возможно, он прежде существовал у марийцев. По крайней мере, его наличие можно предположить по записанному М.И. Ивановым космогоническому мифу у луговых мари, согласно которому Солнце было оставлено Юмын-Авой, матерью-уткой, приглядывать за сотворенной Юмо и Йыном землей [\[15, с. 173\]](#).

Мотив солнечной лодки, так характерный для египетской мифологии, греческой, ближневосточной, американских индейцев у народов Северной Евразии в общем-то не особенно распространен. Так русские Вологодчины считали, что Солнце плывет на лодочке. Более популярен мотив о Сауле, богине солнца, передвигающейся в лодке, у латышей. Передвигающееся в транспортном средстве Солнце, так обычное для греческой мифологии (Фаэтон) присутствует только в селькупской мифологии (речь идет о санях, нартах) [\[9\]](#) и, таким образом, отсутствует у тюрков, монгольских народов, финно-угров и славян. Однако интересно, что лунная повозка упоминается в марийском и калмыцком мифе [\[16, с. 36\]](#). Также заслуживает внимание такая деталь мифа коми, что за Зарань, дочь солнца, герой Пера отправляется на санях [\[47, с. 384\]](#). Учитывая данные по селькупской мифологии, вполне возможно, что в прошлом у народов Северной Евразии могли присутствовать представления о солнечных санях, которые на юге рано были заменены мифологемой солнечного всадника. Особенно мотив всадника стал популярен в тюрко-монгольской мифологии. У финно-угорских и славянских народов большее распространение получил образ солнечного коня (оленья).

Следующий, на наш взгляд, архаический солярный мотив – похищенное солнце или солнце преисподней. Очевидно, он мог возникнуть в хтонический период североевразийской мифологии, когда солнце еще не стало главным земледельческим и скотоводческим божеством, а выражало дикую мощь природных стихий. Этот сюжет, возможно, является несколько древнее сюжета о борьбе солнца и демона за луну. По крайней мере здесь солнце прочно связывается с потусторонним миром и явно не вписывается в новый мир победивших земледельцев и скотоводов.

В бурятском космогоническом мифе имеется сюжет, когда Хозяин Земли, получив в подарок от Бога Неба солнце и луну, запирает их у себя в сундуке. Мир погружается во тьму. Посланный Богом Неба мудрый еж вызволяет светила благодаря своей хитрости [\[43, с. 242\]](#). Согласно мифу восточных хантов, старик-месяц имел две жены: Солнце и подземного злобного духа. Супруги поссорились, разорвали мужа на части. Часть месяца с сердцем досталась Солнцу, остальная – злему духу. Последним обстоятельством ханты объясняли наличие под землей своей луны [\[9\]](#).

Оригинальным представляется мотив о солнце разных миров. Возможно, он на деле является архаической разновидностью мифа о множестве солнц. Однако в данном случае солнца не уничтожены, но продолжают светить в своих сферах. У тюрков, монгол, почти у всех финно-угров и славян указанный мотив не прослеживаются. Он имеется у народов Африки, чукчей, американских индейцев, а также венгров. По верованиям последних, в нижнем мире, в стране драконов, и в верхнем мире сияет свое солнце [\[9\]](#). Еще согласно одному обско-угорскому мифу, некий старик изначальных времен вздумал воевать со своей снохой. Женщина, поддев крючком солнце и луну, спрятала их в свой сундук [\[32, с. 340\]](#). В мифе о том, как Эква-пыриш, сын Нуми-Торума, творил зверей и птиц рассказывается, что когда-то не было ни солнца, ни луны. Тогда Эква-пыриш спустился в подземный мир Куль-отыра и, прибегнув к хитрости, выкрал у него светила [\[32, с. 388\]](#). Думается, отголоском подобных представлений мог стать

марийский обычай встречи умерших предков зажженной свечой на поминках. Это делалось для того, чтобы и в загробном мире людям жилось также, как под солнцем – на этом [\[32, с. 286\]](#).

Представления о множестве разноцветных небес, которые имеют свои разноцветные (летние и зимние) солнца, по всей видимости, восходит к мифам аборигенного населения Сибири. Так, у хантов записано начало мифа о том, как некий человек безуспешно сватался к Солнцу и его сестре, пока не пошел искать настоящую женщину. В селькупском мифе Солнце ссорится с небесным богом, уходит жить в подземный мир, где порождает слои верхнего яруса земли вместе с небесным солнцем. Вторая дочь с полыхающим зеленым огнем лицом остается с матерью. Она – солнце мертвецов и когда выходит наверх возникает северное сияние. Согласно якутскому мифу, существует девять разноцветных сфер небес. На самом крайнем сверкают три солнца, но на земле видимо только одно благодаря имеющемуся отверстию в ярусах небес. В шаманском мифе Ар Тойен раздвигает два белых солнца по сторонам и творит третье между зимним и летними солнцами [\[9\]](#).

«Кормления» бога солнца человеческой кровью были характерны для индейцев Центральной Америки (ацтеков). Кроме того человеческие жертвоприношения должны были обеспечить каждодневный путь солнца по небу. Эти ритуалы вписывались в идею циклического развития Вселенной и постоянно происходящей в ней борьбы разных начал: например, солнца и влаги [\[25, с. 520\]](#). Архаизм подобных представлений, как нам кажется, выражается в том, что человеческие жертвоприношения со временем сменялись жертвоприношением животных. В первобытную эпоху захваченные в массовом порядке пленники не представляли ценного ресурса, и от них следовало в любом случае избавляться. Но уже в древних государствах Старого Света, где широко начинает использоваться рабский труд, практика человеческих жертвоприношений, в том числе Солнцу, полностью забывается. В силу своеобразного замедленного или специфического развития, индейские государства Центральной Америки становятся исключением. В них, напротив, человеческие жертвоприношения Солнцу вырастают в государственный культ.

У народов Северной Евразии человеческие жертвоприношения не были зафиксированы. Тем не менее в связи с некоторыми пережиточными формами солярной мифологии следует отметить мансийскую мифологическую сказку, в которой человек готовится принести в жертву своего сына, чтобы получить оленей. Тогда Мир-сусне-хум, сын Торума, отвозит его на солнце, где однако человека не кормят. Кормит его лишь жена Мир-сусне-хума. В конце концов награжденный оленьим стадом, человек возвращается в стойбище. Позавидовавший ему старший брат зарубает своего сына в надежде также обогатиться оленями [\[32, с. 382\]](#). Данному сюжету близка русская сказка «Солнце, Месяц и Ворон Воронович». Хотя она носит уже чисто бытовой юмористический характер, в ней сохранился древнейший мотив родственных связей людей и Солнца (характерно, что Солнце здесь зять, то есть мужчина). Попытка старика подражать Солнцу оказывается безуспешной. Между тем известно, что славяне считали, что солнце на самом деле настолько прожорливо, что ему требуется для ужина девять печей хлебов, девять запеченных коров, мамалыга, рыба, облака [\[40, с. 105\]](#). Еще более определенно предание коми-пермяков о Шурме, свирепом божестве, обитавшем со своим вороном на солнце. Шурме каждую неделю приносили в жертву двух мальчиков и двух девочек [\[47, с. 388\]](#).

Как отмечает М.Б. Кенин-Лопсан, древние тувинцы поклоном встречали восход Солнца. Женщина, хозяйка юрты, брызгала чаем из особой жертвенной ложки с девятью

отверстиями в сторону солнца, а затем на все стороны света, таким образом принося жертвы Солнцу и духам. Заход Солнца за макушки гор также сопровождался ритуалом. Тогда было принято проверять наличие всех детей и строго требовать от них соблюдение тишины [\[19, с. 23\]](#).

Б.А. Рыбаков пытался восстановить солнечный культ древних славян. Прежде всего он отметил бога Хорса (Великого Хорса). Исследователь считал этот культ древнейшим, восходящим к временам энеолита, когда в следующем бронзовом веке появляется представление о ночном солнце, свершающем свой подземный ход по «морю мрака». Вторым по времени возникновения Б.А. Рыбаков считает образ Колаксы («солнце-царя»). На заключительном этапе у предков славян складывается представление о Дажьбоге (дающем боге), называемом в летописи прямо Солнце-царем, сыном Сварога. «Дажьбожьими внуками», то есть внуками солнца нарекает русских князей «Повесть временных лет» [\[37, с. 418\]](#). Хотя этимологии Б.А. Рыбакова, как и его произвольные отождествления славян со скифами давно признаны устаревшими, сама по себе схема развития солярного культа не вызывает возражений. От архаических представлений о Солнце как олицетворении природной силы до обожествленной фигуры правителя и его потомков. Так, характерно, что у скифов Колаксай выигрывал состязание со старшими братьями, олицетворяющими другие стихии или объекты (горы, реки). Только он один мог схватить упавшие с неба золотые плуг, ярмо, секиру и чашу – символы земледельческого, скотоводческого труда, а также символ жреческой власти [\[35, с. 590\]](#).

Большую роль играло солнце в верованиях восточных финно-угров. В.Е. Владыкин отмечает, что Шунды – солнце было главенствующим образом в религиозно-мифологической картине удмуртов [\[12, с. 71-72\]](#). Марийцы верили, что солнце благоприятно воздействует на землю и скот. Роль солнца, по мнению исследователей, резко возрастала в теплое время года когда наступала пора полевых работ. Споря с путешественником-христианином, хозяин-мари уверял первого, что глупо почитать иконы, разумнее солнца, то есть то, что дает жизнь [\[36, с. 427\]](#). Хотя Кече-Он считается рангом ниже Кече-Юмо, он является источником света. Кроме того, именно в отношении Кече-Она исследователи отмечали, что когда марийцы молятся в открытом месте, они всегда молились лицом к «царю солнца», где бы светило не находилось в этот момент. При этом во время жертвоприношения божество как бы заменяла свинцовая бляшка, которую вмешали на дерево вместе с итты (культовым фетишем). «Царю солнца» приносились в жертву красный или белый бык [\[39, с. 56-57\]](#). С культом Шонди (Солнца) у коми связан образ культурного героя Кудым-Оша («медведя с реки Ку»). Когда люди решают перенести родовое селение на более безопасное место, именно Солнце подает Кудым-Ошу благоприятный знак. Впоследствии Кудым-Ош приучает своих земляков к земледелию, показывает, как ковать железо, строить лодки-долбленки [\[47, с. 212\]](#).

Таким образом, мы выделили наиболее архаичные солярные мотивы в мифологии тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров. К числу самых устойчивых можно отнести представления о когда-то отсутствовавшем солнце, рождении последнего из водно-огненной среды, представления о солнце как о неодушевленном предмете (чаше, зеркале), простом человеке (возможно, обладающем необычными чертами, например, серебряными зубами), животном (крылатом коне, белой кобыле, олене). Также крайне архаичны мифы о нескольких древних солнцах, затмениях в форме заслонения светила птицей, черной девой. Для урало-алтайских народов, в целом, характерно представление солнца женским персонажем, богиней, имеющей оленьи или птичьи черты. При этом солнце могло выступать и мужским персонажем, культурным

героем этногенетических мифов (например, у башкир, коми). В качестве средства передвижения солнце могло использовать сани. Спорадически у народов Северной Евразии присутствуют представления о солнцах других миров, в том числе загробных. Кроме того у некоторых восточных финно-угорских народов сохранилась память о человеческих жертвоприношениях солнцу. Новым образом в мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров стало солнце (в том числе в облике царя-божества), которое способствует возникновению и укреплению земледелия и скотоводства.

Библиография

1. Академический словарь башкирского языка: в 10 томах. Т. IV: (буквы Й – К) / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2012. 944 с.
2. Академический словарь башкирского языка: в 10 томах. Т. V: (буква К) / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2013. 888 с.
3. Алмуханова Р.Т. Отражение солярного культа в казахском и башкирском фольклоре // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Р.М. Юсупова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 36-37.
4. Аминев З.Г. Отражение космогонических воззрений башкир в эпосе «Урал-батыр» // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Р.М. Юсупова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 40-46.
5. Аминев З.Г. Эпос «Урал-батыр» как источник по изучению космогонических воззрений древних башкир // Проблемы востоковедения. 2012. № 2. С. 90-94.
6. Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды / пер. с башкирского. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 576 с.
7. Башкирское народное творчество. Т. 3. Богатырские сказки / пер. с башкирского. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1988. 448 с.
8. Башкирское народное творчество. Т. 4. Волшебные сказки. Сказки о животных / пер. с башкирского. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1989. 512 с.
9. Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 04.05.2023).
10. Валеев Д.Ж. Религия и духовность // Религия и духовность. Уфа: Гилем, 1995. С. 4-13.
11. Вершинин В.И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт: этимологий мутер. Происхождение слов марийского языка: этимологический словарь: в 2 т. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стиринг», 2018. Т. 1. А – М., 2017. Т. II. Н – Я., 2018. 741 с.
12. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 2018. 400 с.
13. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал: монография / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Издательство «МонПоражён», 2018. 298 с.
14. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др.; АН СССР. Ин-т языкознания. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. XXXVIII, 676 с.
15. Иликаев А.С. Матриархальные проявления ранних форм религии в космогонических мифах народов Урало-Поволжья: башкиры, марийцы, русские: монография / А.С. Иликаев. Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. 336 с.
16. Иликаев А.С., Шарипов Р.Г. Параллели в лунарных мифах тюрков, монгольских

- народов и восточных финно-угров // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 5. С. 26-41.
17. Илимбетова А.Ф. Культ птиц у башкир в свете духовного наследия народов мира. Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 282 с.
18. Камилянов В. Марийский календарь на каждый день. 4 апреля – День солнца (Кече он ден Кече авам жаплыме кече). URL: <https://promishkino.ru/news/obshchestvo/2023-04-04/mariyskiy-kalendar-na-kazhdy-den-3202608> (дата обращения 09.11.23).
19. Кенин-Лопсан М.Б. Дыхание Черного Неба. Мифологическое наследие тувинского шаманства. М.: Велигор, 2008. 192 с.
20. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol un niruča tobèj an*. Юань чао би ши: Монг. обыденный сборник. Т. 1. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук, 1941 (Ленинград). 620 с. (Труды / Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения; т. XXXIV).
21. Котов В.Г. Некоторые параллели в этнографии и фольклоре башкир к ритуальной практике сармат, связанных с зеркалом // Уфимский археологический вестник. 2019. № 19. С. 51-68.
22. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. Москва: Астрель АСТ, 2003. 528 с.
23. Марийские народные сказки. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. 352 с.
24. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / сост. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 288 с.
25. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Под ред. С.А. Токарева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 1. А – К. 671 с.
26. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Под ред. С.А. Токарева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 2. К – Я. 719 с.
27. Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Москва: Наука, 1990. 567 с.
28. Муравьева Т. Мифы Поволжья. От Волчьего владыки и Мирового древа до культа змей и птицы счастья. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 328 с.
29. Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1991. 190 с.
30. Никитина С.Е. Голубиная книга. Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XI: Георгий – Гомар. С. 717-718.
31. Ойноткинова Н.Р. Теонимы высшего пантеона в фольклоре алтайцев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 1. С. 121-135.
32. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Изд-во АСТ: Транзиткнига, 2003. 463 с.
33. ПМА. Полевой материал автора. Информатор: Апкаликов Апсалик Апкаликович, 1918 г. рождения, д. Яндыганово. Беседы проводились во второй половине 1990-х годов.
34. Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник 1972. М., 1973. с. 265-286.
35. Рензьяев М.Ю., Гончаров А.С. Образ Колакская в скифской мифологии // Столыпинский вестник. 2022. № 1. С. 584-596.

36. Россия XV – XVII вв. глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю.А. Лимонова. Ленинград: Лениздат, 1986. 541 с.
37. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: София, Гелиос, 2002. 592 с.
38. Серебренников Б.А., Ермушкин Г.И., Майтинская К.Е. Финно-волжская языковая общность. Москва: Наука, 1989. 271 с.
39. Ситников К.И. Словарь марийской мифологии. Том 1. Боги, духи, герои. Йошкар-Ола, 2006. 160 с.
40. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики; Под общ. ред. Н.И. Толстого. Москва: Междунар. отношения, 1995 – 2014. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). Т. 5. 2012. 728 с.
41. Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология. Этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007. 312 с.
42. Харва (Хольмберг) У. Верования алтайских народов / пер. с англ. отв. ред. А.В. Головнев. Росс. акад. наук, Уфимский федер. исследовательский центр, Ин-т этнологических исслед. им. Р.Г. Кузеева. Москва: Castalia, 2022. 314 с.
43. Харва (Хольмберг) У. Верования и мифология народов Северной Евразии / пер. с англ. отв. ред. А.В. Головнев. Росс. акад. наук, Уфимский федер. исследовательский центр, Ин-т этнологических исслед. им. Р.Г. Кузеева. Москва: Castalia, 2022. 354 с.
44. Хисамитдинова Ф.Г. Божества верхнего мира в мифологии башкир // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 146-154.
45. Шарипов Р.Г. Культ богини Умай в традиционном мировоззрении кочевников Восточной Европы // Известия Уфимского научного центра РАН. 2018. № 4. С. 118-122.
46. Шорыкйол. Часть 3. (заметки о локальных представлениях мари Медведевского района Республики Марий Эл). Материал записан и обработан научным сотрудником Ивановым М.И. в 2022 г. URL: https://vk.com/wall-174598678_9278 (дата обращения 11.12.2023).
47. Энциклопедия уральских мифологий / Рос. акад. наук. Урал. отд-ние. Коми науч. центр. Ин-т яз., лит. и истории, М-во образования и высш. шк. респ. Коми. Т. 1: Мифология Коми. Т. 1 / А.Н. Власов, И.В. Ильина, Н.Д. Конаков и др.; Науч. ред. В.В. Напольских. Москва; Сыктывкар: ДИК, 1999. 479 с.
48. Karakurt Deniz. Türk söylence sözlüğü. Açıklamalı Ansiklopedik Mitoloji Sözlüğü, Ağustos. URL: <https://archive.org/details/Turk-Soylence-Sozlugu/page/n175/mode/2up> (дата обращения 11.12.2023).
49. Roux Jean-Paul Eski. Türk Mitolojisi. URL: <https://archive.org/details/JeanPaulRouxEskiTurkMitolojisi/page/n47/mode/2up> (дата обращения 11.12.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Интерес к мифологии определяется не только попыткой проникнуть в первобытное мышление, но и разобраться в том, как древние мифы влияют на сознание наших современников. Не секрет, что в древности большое внимание уделялось звёздному небу, а также попыткам определить место Солнца и Луны в нашей системе координат.

Однако изучение древней мифологии обязательно должно осуществляться с подлинно научным подходом, ведь сегодня очень много псевдонаучных работ, созданных в погоне за сенсацией и коммерческим успехом.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются параллели в солярных мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров. Автор ставит своими задачами определить архаические солярные мотивы, рассмотреть солярные мифы тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров, а также выявить мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать солярные мифы тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров, а также, в сравнительной перспективе, славян и других соседних этносов, на предмет наличия в них как древних, так и более поздних солярных мотивов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 50 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объёме работы, которую проделал ее автор. Из используемых источников отметим словари, справочные издания, фольклор народа Северной Евразии. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды Р.Т. Амлухановой, З.Г. Аминова, Т.Г. Владыкиной, К.И. Ситникова, Р.Г. Шарипова, и других специалистов, в центре внимания которых различные аспекты изучения мифов народов Северной Евразии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «следующие архаические солярные мотивы: 1) незначительная роль солнца по сравнению с луной; 2) древнее солнце; 3) солнце как животное, человекоподобное существо, преимущественно женское божество; 4) солнечная лодка (повозка, сани); 5) похищенное солнце (солнце других миров); 6) прожорливое солнце». Автор обращает внимание на то, что «также как тюркские и монгольские народы Сибири, и башкиры, и чуваша, и марийцы выделяли не только одно Солнце, но целую группу солнечных божеств». В работе показано «у некоторых восточных финно-угорских народов сохранилась память о человеческих жертвоприношениях солнцу»: так, автор приводит «мансийскую мифологическую сказку, в которой человек готовится принести в жертву своего сына, чтобы получить оленей». На богатом мифологическом материале автор раскрывает особенности солярной мифологии народов Северной Евразии.

Главным выводом статьи является то, что «новым образом в мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров стало солнце (в том числе в облике царя-божества), которое способствует возникновению и укреплению земледелия и скотоводства».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории религий и философии, так и различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».